

АРНОЛЬД БЕННЕТТ

КАК ВСЕ УСПЕВАТЬ ЗА 24 ЧАСА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 159.92
ББК 88.3
Б46

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *В. Дегтяревой*
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Беннетт, Арнольд.
Б46 Как все успевать за 24 часа : [сборник] / Арнольд Беннетт ; [перевод с английского В. Дегтяревой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-175029-9

Арнольд Беннетт отличался удивительной работоспособностью и многогранностью таланта — за свою жизнь он успел поработать над всем, от пьес и киносценариев до производственных романов, но самой успешной его работой остается «Как все успевать за 24 часа». Книга, изначально предназначавшаяся для «легионов клерков, машинисток и других белых воротничков, наводнивших британские офисы на рубеже веков», идеально подходит для всех, кто работает по графику не меньше восьми часов в сутки пять дней в неделю и чувствует, что их жизнь превратилась в бесконечную рутину, в которой один день не отличим от другого. Беннетт предлагает серию практических советов, как придать жизни больше смысла и лучше распорядиться своим самым ценным ресурсом — временем.

В данное издание вошли также две другие популярные книги Беннетта по саморазвитию — «Человеческая машина» и «Ментальная эффективность и другие подсказки для мужчин и женщин».

УДК 159.92
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-175029-9

© Перевод. В. Дегтярева, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МАШИНА

I. Не ценить себя

Есть мужчины, которые способны любить машину больше, чем женщину. И эти мужчины — из счастливейших в мире. И это вовсе не попытка уязвить женщин, это всего лишь констатация печально известного факта. Мужчины, которых больше всего волнуют задачи усовершенствования машины, без сомнения, благословлены судьбой. Большинство из нас таких мужчин знает. Вчера они занимались конструированием автомобилей, сегодня в воздух уже поднялись аэропланы — или, во всяком случае, вот-вот поднимутся, если верить изобретателям.

Следите за изобретателями. Изобретения чаще всего не основное их занятие. Они вынуждены заниматься ими в свободное время: до завтрака, на прогулке по Стренду от чайной Лайонса до офиса, после ужина, по воскресеньям. Посмотрите только, с каким энтузиазмом они бегут домой по вечерам! Посмотрите, с какой жадностью они хватаются за половину отпуска, словно голодная собака за кость! Они не желают играть в гольф или бридж, читать лимерики, романы или журналы

с картинками, ходить в клубы, пить виски, участвовать в аукционах, следить за модой на галстуки, посещать политические собрания, их не интересуют замысловатые истории, комические куплеты и нюхательные соли, они не обращают внимания на соблазнительные улыбки, манящие корсажи и изящные шляпки. Они никогда не задаются вопросом, чем же им заняться. Время для них не тянется — его вечно не хватает. В двенадцать ночи можно застать такого мужчину лежащим на спине, но не в кровати! Он окажется в гараже, под машиной, поднося свечу, с которой капает жир, к неисправному шатуну или смещенному колесу. Они постоянно заинтересованы — даже, я бы сказал, заворожены. У них есть машина, и они стремятся довести ее до совершенства. Одну деталь исправляют, но тут ломается другая, тогда они исправляют и ее тоже, после чего ломается что-то новое — так до бесконечности.

Но, когда эти мужчины достигают уверенности, что все идеально, они вывозят машину из гаража. И через пять минут она уже разбита в лепешку, а заодно сломана какая-нибудь конечность изобретателя — все потому, что он слишком поторопился со своей уверенностью. После этого все начинается сначала. Изобретатели не сдаются: конкретная катастрофа случилась всего лишь из-за небольшой оплошности, которую совсем несложно исправить. Ведь они уже узрели совершенство, оно озарило их душу! И таким образом проходят их жизни.

«Они никогда не взлетят», — цинично скажете вы. Что же, если и так? А что насчет братьев Райт? И вообще, неужели вы при всей своей циничности никогда не завидовали их машине и страстному к ней интересу?

Вы, возможно, помните тот момент, когда, причесываясь перед зеркалом, увидели первый седой волос. Вы замерли, но тут же продолжили торопливо причесываться. Вы сделали вид, что вас это не шокировало, но на самом деле — еще как. Возможно, вы вспомните еще более неприятный момент — момент, когда вам подумалось, что вы достигли всего, чего могли. Осуществили свою давнюю мечту, и результат оказался совсем не похож на то, что вы себе когда-то воображали. Или вспомните, что ваш брак оказался чересчур скучным, прозаическим — совсем не таким, каким вы его себе представляли. Что все ваши представления о жизни оказались ерундой, и теперь все развлечения и хобби кажутся скучными и бессмысленными. Вспомните и о том, что идеальной табачной смеси не существует, что один литературный шедевр похож на другой, и, наконец, о том, что все будущие дни до самой вашей смерти практически ничем не будут отличаться друг от друга. И вдруг, в момент ослепляющей ясности, вы поняли, к чему вели все эти люди, которые писали бессовестно длинные письма в «Телеграф» о жизни, которая стоит или не стоит того, чтобы ее жить. И что вам абсолютно нечего противопоставить серому, безрадостному

будущему, и остается только притворяться жизне-
радостным перед лицом тоски, хватающей вас за
сердце!

Словом, вы помните и знаете момент, когда
поняли, что относитесь к категории обычных лю-
дей. Неужели после всего вы не желали — и не же-
лаете постоянно — иметь машину, которая никогда
не заглохнет, с которой вы никогда не прекратите
возиться? Не чувствовали, что отдадите все что
угодно за возможность лежать под ней со свечой
в руке, грязным, замерзшим, но полностью погру-
женным в процесс достижения вожденной цели.
Не жалели ли вы о том, что не обладаете искрой
инженерного гения, ведь в машине действительно
есть что-то настоящее?..

А вам ведь никогда не приходило в голову, что
у вас есть машина! О, какая слепота! Какая глу-
пость! Вам никогда не приходило в голову, что
у вас под руками имеется машина, превосходящая
все механизмы в вашем гараже. Сложная, с тон-
кими настройками, обладающая невероятными
и удивительными возможностями, бесконечно ин-
тересная! Эта машина — вы сами.

«О, еще один проповедник. Только этого мне не
хватало!» — восклицаете вы с досадой. Мой доро-
гой сэр, я не проповедую, а если бы и пропове-
довал, думаю, вам это было бы *действительно* нужно.
Позвольте на некоторое время все-таки завладеть
вашим вниманием. Я правда не проповедую. Я про-
сто хочу привлечь ваше внимание к факту, кото-

рый, возможно, частично или полностью от вас ускользнул. Вы — самая невероятная машина из всех когда-либо существовавших. Просто вы себя не цените. Про мужчин говорят, что они интересуются только собой. На самом деле, как правило, они интересуются любыми смертными существами, за исключением себя. У них есть обыкновение воспринимать себя как нечто незначительное. И именно это обыкновение ответственно за девять десятых случаев скуки и отчаяния на этой планете.

Человек просыпается посреди ночи (обычно из-за возлияний накануне), и мозг его начинает работать слишком активно, чтобы вновь сразу уснуть. В этот ясный час, после вечерних увеселений и перед рассветом, полным надежд, он все видит в правдивом свете — все, кроме себя самого. Нет лучшего времени, чтобы четко разглядеть окружающее пространство, чем этот бессонный час. Человек увидит все недостатки своей жены и безнадежность перспектив их исправить. Увидит он, пусть не в таком резком свете, и собственные отрицательные качества. Возможно, в этот момент он поймет, что тревоги, связанные с детьми, перевешивают радость от их воспитания. Он примет все изъяны существования, встретится с ними лицом к лицу, как и полагается мужчине: угрюмо, мрачно, в отчаянии. Он пробормочет: «Конечно, я зол. А кто бы не разозлился? Конечно, я разочарован. Разве этого я ожидал двадцать лет назад? Да, нам стоило больше откладывать. Но мы этого не дела-

ли, и что же? Теперь только и остается, что беспокоиться о финансовой безопасности. Я знаю, что здоровье у меня было бы лучше, если бы я столько не курил. Я знаю, что нет никакого смысла в употреблении алкоголя. И просто абсурдно сердиться на нее, когда она в одном из этих своих настроений. Я недостаточно занимаюсь спортом. И просто невозможно начать это делать регулярно. Нет никакого смысла надеяться на то, что ситуация изменится. Потому что я знаю, что этого не будет. Такой он странный — этот мир: в нем нет ничего, что можно было бы назвать счастьем. Если бы все было по-другому...» И в этот момент мужчина отключается.

Обратите внимание: этот человек не ценит себя, он только смотрит на свои недостатки и тут же отворачивается. Все, что привлекает его внимание, — окружение, это самое «все», которое могло бы быть другим, если бы он не знал из опыта, что желать подобных изменений бессмысленно. Чего он хочет на самом деле — это трубку, которая не положит сама себя ему в рот; стакан, который не подпрыгнет самостоятельно к его губам; деньги, которые не выскользнут у него из кармана; ноги, которые сами по себе понесут его на прогулку на свежем воздухе; привычки, которые будут сами выполняться; и жену, которая будет расширяться и сжиматься в зависимости от его настроений, подобно книжному шкафу Вернике, из которого всегда можно собрать новую комбинацию. Он умный

человек и понимает, что не может всем этим обладать. Поэтому он смиряется со вселенной и с постоянным, сдерживаемым чувством неудовлетворенности. И никто не посмеет утверждать, что это чувство не имеет под собой оснований.

Видите ли, он совершенно не обратил внимания на машину. Давайте не будем называть ее летательным аппаратом, а дадим ей имя «автомобиль». Вот он на дороге — несется, визжит тормозами, рокочет мотором, выпускает выхлопные газы. И вот человек, который говорит: «Эта дорога должна быть идеально ровной. Что за нелепый холм впереди? Спуск с него определенно опасный. А все эти повороты?.. Мне ведь не видно ничего на сотню ярдов вперед!» Ему приходит в голову безумная мысль заставить городскую управу разровнять дорогу или нанять военных, чтобы те срыли холм. Но он тут же отвергает эту идею, ведь он такой разумный человек. Он все принимает. Сидит в машине и, переполнившись рациональностью, смиряется со всем.

«Что за осел! — воскликнете вы. — Почему он хотя бы не накачает шину? Совершенно ведь очевидно, что у него неисправны свечи зажигания, а коробке передач нужно масло».

Почему он это не сделает? Я вам объясню. Просто потому что он вообще не понимает, что находится в автомобиле. Он никогда не анализировал, где он. В глубине его сознания брезжит мысль, что он восседает на куске твердой, незыблемой скалы, которая едет на колесиках.

II. Любители в искусстве жизни

Учитывая то, что мы проводим в человеческой машине всю жизнь, а также то, что она наше единственное средство взаимодействия с окружающим миром, мы действительно уделяем ей крайне мало внимания. Когда я говорю «мы», я имею в виду наш внутренний дух, наши инстинкты, загадку, которая существует внутри. А когда я говорю «человеческая машина», я имею в виду тело и мозг, но в большей степени — мозг. Выражение человеческой души с помощью мозга и тела — то, что мы называем искусством жить. К сожалению, мы не изучаем это искусство в школе, во всяком случае, ни в каком значимом виде. В школе нас учат, что для жизни нам нужно регулярно и много размахивать руками и ногами. Также нам показывают, что наш мозг годится на исполнение нескольких полезных трюков и что, если мы не заставим его выполнять эти трюки, нас накажут. В итоге в один прекрасный день мы прибегаем домой и объявляем довольным родителям, что одиннадцать умножить на двенадцать равняется ста тридцати двум. Вот так интеллектуальный подвиг! И так все продолжается, пока родители не начинают нами гордиться, потому что мы уже можем болтать о конусах и обрисовывать внешнюю политику Людовика XIV. Отлично! Но как же принципы искусства жить? О них нам пока не сказали ни слова. Только несколько противоречащих друг другу правил от родителей,

которых нужно слепо придерживаться в случае жизненных кризисов. Конечно, было бы абсурдно говорить со школьником о выражении его души. Он в ответ, возможно, пробормочет что-то неприличное.

Конечно, школа — это всего лишь подготовка к жизни, если только человек не собирается поступать в университет, потому что в этом случае школа — это подготовка к университету. Подразумевается, что человек займется собственно жизнью, как только все предварительные ступени окажутся позади: примерно в возрасте двадцати лет. Безусловно, тут уже начинается жизнь, причем в ней нет ничего нового, ведь человек жил в каком-то смысле и до этого. И все это время он использовал свою машину без полного ее понимания. Но начинает ли человек познавать машину, как только оканчивается учеба? Отнюдь. Перед ним встает ряд вопросов, но вовсе не о том, как жить. Например, как приобрести и удержать положение, при котором жизнь возможна? Как раздобыть небольшие кусочки мертвых животных и растений, которые можно будет есть, чтобы не умереть от голода? Как приобретать и постоянно обновлять запасы порций мертвых животных и растений, в которые человек может завернуться, чтобы не умереть от холода? Как приобрести эксклюзивное право пребывания в помещениях, где человек может спать и есть, чтобы на него не влияли капризы погоды? И так далее.

А когда человек осознает свои потребности, приходит желание удвоить усилия и начать делать все это не для себя одного, но и для другого человека тоже. Женитьба! И при этом научное внимание так и не сосредотачивается на настоящем процессе жития, на правильном взаимодействии с окружающей средой и сознательной адаптации к ней, на самовыражении — короче говоря, на изучении машины. К тридцати годам человек скорее будет разбираться в работе вытяжки в камине, чем в устройстве собственного респираторного аппарата, если привести в пример что-то простое и очевидное. Что же касается понимания работы мозга — это вообще недостижимый идеал. И размышляем ли мы хотя бы час в месяц над тем, как избежать напрасной траты энергии на разногласия и трудности, возникающие в жизни? Рассматриваем ли мы вообще эту проблему способом, выходящим за пределы любительских и неуклюжих попыток? Юная девушка пишет акварелью рисунок, и мы говорим: «Как очаровательно!», — добавляя про себя: «Для любительницы». Но наша жизнь — нечто еще более любительское, чем рисунок девушки, хотя, конечно же, каждый из нас должен быть в этой области профессионалом!

После подготовки к жизни в течение примерно пятидесяти пяти лет мы начинаем думать о том, чтобы уже как-то начинать расслабляться. До этого момента мы не подвергаем научному исследованию искусство жизни — оттачивание и использование

самых тонких механизмов машины — не из-за отсутствия у нас свободного времени (обычно его предостаточно), а из-за чрезмерной погруженности в эту самую подготовку: мы даже начинаем считать подготовку к делу самым делом. И наконец в пятьдесят пять лет мы должны уже начать жизнь на профессиональном уровне, уподобившись художнику, мастеру своего дела. Однако мы не можем. Слишком поздно. Ни художники, ни акробаты — никакой творец не может в совершенстве овладеть искусством в этом возрасте. Так мы и заканчиваем жить по-любительски — как начинали. И, когда машина начинает душераздирающе скрипеть или отказывается слушаться руля и скидывает нас в канаву, мы говорим: «Что ж, ничего не поделаешь», или «Неважно! Через сто лет ничего не изменится», или «Надо пользоваться тем, что дают». Мы пытаемся поверить в то, что, смирившись со статусом-кво, мы его оправдываем, и в то же время постоянно чувствуем собственную неискренность.

Вы кричите, что я преувеличиваю. Так и есть. Чтобы подсветить положение дел, на которое обычно не обращают внимания, просто необходимо воспользоваться этим приемом. Одно из названий для этого преувеличения — поэтическая вольность. Но на самом деле я преувеличиваю совсем немного. Гораздо меньше, чем вы, возможно, думаете. Знаю, вы собираетесь указать на то, что огромное количество людей регулярно проводит